

Деятельность Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг.

Зоя Бочарова, Дарья Корнеева

The work of the Committee on ensuring education of the Russian students in Czechoslovak Republic in the 1920s

*Zoya Bocharova (Lomonosov Moscow State University, Russia),
Darya Korneeva (Institute of Public Sciences of the Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation; Ministry of foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870008283-2

Формирование в начале 1920-х гг. русской эмиграции в Чехословацкой Республике (ЧСР, с 1918 г.) шло целенаправленно, в рамках проводившейся с лета 1921 г. специальной программы — «русской акции»¹. Молодому государству нужно было зарабатывать политический капитал, увеличивая число своих союзников. В этой стране считали, что завоевание большевиками власти в России — явление временное, и вернувшиеся на родину специалисты могли бы способствовать налаживанию отношений между ЧСР и РСФСР. Одним из направлений помощи русской эмиграции стало размещение в республике приехавших туда выпускников русских гимназий и студентов, не успевших получить высшее образование в России.

25 июля 1921 г. в Праге состоялось совещание чехословацких общественно-политических кругов, инициированное Й. Шимонек (президентом и генеральным директором предприятий «Шкода») и А.С. Ломшаковым (русским инженером, научным и техническим консультантом на одноимённом заводе, профессором)². Здесь было решено пригласить и привезти из района Константинополя 1 тыс. русских студентов. Уже 3 августа МИД ЧСР направило в своё представительство в столице Турции телеграмму о необходимости подготовки

© 2020 г. З.С. Бочарова, Д.С. Корнеева

¹ После оккупации Чехословакии в 1938 г. государственная поддержка социально слабых слоёв эмиграции — русских учёных и представителей культуры — минимизировалась; большинство созданных русскими эмигрантами научных учреждений и учебных заведений были закрыты.

² Ломшаков Алексей Степанович (1870—1960), специалист в области теплоэнергетики, изобретатель, общественный деятель; член правого крыла партии кадетов; депутат I Государственной думы от Петербургской губ.; во время Гражданской войны поддерживал Белое движение и приветствовал интервенцию, вошёл в первый правительственный аппарат генерала А.И. Деникина; профессор Пражского политехнического института; председатель Комитета помощи русским студентам-эмигрантам; возглавлял Учебную коллегию, в 1930-х гг. — Объединение русских эмигрантских организаций в ЧСР, а также Союз русских академических организаций за границей. См.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918—1939) / Сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Прага, 1998. С. 23—24.

соответствующего транспорта³, а 21 декабря — в чехословацкие посольства за рубежом подготовленный для первого номера лондонского журнала «The Slavonic Review» обзорный материал об оказании помощи русским студентам и профессорам⁴.

Хотя «русскую акцию» осуществляло МИД республики (ежегодно выделялась сумма, составлявшая 5% государственного бюджета)⁵, но организовать дело без помощи самих эмигрантов оказалось невозможно. 27 сентября 1921 г. белградская русская газета «Новое время» писала: «Студенты едут в Прагу учиться. Слава Богу. Русское сердце радуется и не может не радоваться: грамотная, культурная Россия, Россия будущего, молодая понесла огромные потери во время войны... а России будущего грамотные люди нужны».

5 декабря 1922 г. М.М. Фёдоров⁶, председатель ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, писал из Парижа в Лозанну И.Н. Ефремову⁷ о почти полном разрушении школы в России, которую будет восстанавливать «именно русская молодёжь, выброшенная за границу, доучившись здесь [за рубежом]»⁸.

Студентов приняли как в чехословацких, так и в созданных русскими учебных заведениях. Последние были призваны предотвратить процесс денационализации, способствовать консолидации молодёжи, их подготовке для работы в постбольшевистской России. В результате Прагу стали называть «русским Оксфордом».

Бремя организации помощи русскому студенчеству МИД ЧСР разделил с Комитетом по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике (КООРУС)⁹, созданным по решению упомянутого совещания. Комитет сыграл большую роль в формировании русского образовательного пространства в Республике. Поддержанный её правительством (прежде всего премьер-министром Э. Бенешем¹⁰ и заместителем министра иностранных дел В. Гирсой¹¹), общественностью, политическими, финансовыми, промыш-

³ *Magid* С. Т.Г. Масарик и предыстория Русской акции помощи // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка, И. Золотарёв. Прага, 2011. С. 55.

⁴ *Tejchmanová* S. Rusko v Československu. Bílá emigrace v ČSR (Bílá emigrace v ČSR 1917—1939). Praha, 1993. S. 27.

⁵ Подробнее см.: *Сладек* З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 36.

⁶ Фёдоров Михаил Михайлович (1858—1949), общественный деятель, специалист в области экономики; министр торговли и промышленности в кабинете С.Ю. Витте; в 1921 г. один из инициаторов созыва Русского национального объединения.

⁷ Ефремов Иван Николаевич (1866—1945), крупный помещик, юрист, историк, дипломат, депутат I, II и IV Государственных дум; примыкал к октябристам; член Временного правительства; посланник и полпред Временного правительства в Швейцарии.

⁸ ГА РФ, ф. Р-5760, оп. 1, д. 59, л. 2.

⁹ Аналогичный комитет возник и для украинских эмигрантов, в сентябре 1926 г. эти комитеты объединили.

¹⁰ Бенеш (Benes) Эдуард (1884—1948), чехословацкий государственный деятель; с сентября 1918 г. по декабрь 1935 г. министр иностранных дел ЧСР; с сентября 1921 г. по октябрь 1922 г. премьер-министр; в декабре 1935 г. избран президентом ЧСР.

¹¹ Гирса (Girsa) Вацлав (1875—1954), дипломат; заместитель министра иностранных дел ЧСР (1921—1927), посол в Польше (1927—1935), Латвии, Эстонии, Финляндии (1927—1934) и Югославии (1935—1938); в марте 1919 г. внёс большой вклад в принятие закона «Вспомогательная акция помощи беженцам в Чехословацкой Республике»; в июле 1921 г. стал председателем заведующей «русской акцией» Всемиистерской комиссии.

ленными кругами, КООРУС, по сути, реализовывал одну из важнейших задач «русской акции».

Проживавшая в то время в Константинополе организатор школьного дела А.В. Жекулина информировала исполнительное бюро Центрального организационного комитета (ЦОК) о том, что чехословацкое правительство взяло на полное иждивение русских студентов: 1 тыс. — из Турции и 200 — находившихся в Праге. В этой связи, отметила она, «основан особый Комитет из представителей чешской общественности и правительства, а также русской академической группы, Союза инженеров, представителей Союза городов и Красного Креста»¹².

Официальная дата образования КООРУС (во главе с председателем, опиравшимся на президиум) — 12 августа 1921 г. Записку об учредительном собрании комитета 2 августа подготовила канцелярия президента ЧСР. На собрании Шимонек выступил с докладом, посвящённым рассматриваемой проблеме. Основными стали вопросы питания и проживания русских студентов-эмигрантов (что требовало значительных материальных затрат). Для реализации намеченной программы предполагалось объединить усилия МИД ЧСР, отдельных банков, промышленных предприятий и частных лиц.

Ранее молодым русским эмигрантам помогали различные организации, например, Американский Красный Крест. В сентябре чехословацкое МИД приняло решение о том, что КООРУС будет заниматься организацией помощи всем русским студентам, обучающимся в вузах Праги (Карловом университете, Пражском политехническом институте), университетах, расположенных в Брно и Братиславе, и в Горном институте Пршибрама. Комитет открыл филиалы в этих университетских городах, несмотря на то что в ряде из них студентов было немного (в Праге — 1 110, Брно — 17, Пршибраме — 26 человек). Согласно проведённой в декабре 1923 г. переписи, в Праге обучались уже 2 740 (79%), в Брно — 604 (17,4), Братиславе и Пршибраме — 125 (3,6%) русских студентов. При этом мужчины составляли 85,5%, а самая значительная возрастная группа была представлена молодёжью 25—30 лет (45,6%), на русских же приходилось 92,1%¹³.

Проблемами, связанными с размещением и обеспечением в республике студентов-эмигрантов, занималось МИД. Представителем этого ведомства в комитете назначили И. Гайны¹⁴, заведовавшего его административно-хозяйственными и финансовыми делами. МИД отвечало за данное направление «русской акции» перед парламентом, правительством и обществом и поэтому контролировало процесс рационального использования отпускаемых на эти цели кредитов и скорейшего выполнения поставленных задач¹⁵.

КООРУС должен был установить общие начала и директивы, регулировавшие хозяйственно-административную деятельность. Речь шла об установлении необходимых норм довольствия, о порядке его распределения, выработке

¹² ГА РФ, ф. Р-5931, оп. 1, д. 401, л. 1.

¹³ Материалы переписи русских студентов 5 декабря 1923 г. // Студенческие годы (Прага). 1924. № 4. С. 32—34.

¹⁴ Гайны (Гайный) Иозеф (Hájny Josef), майор; советник МИД ЧСР, член правления КООРУС; уполномоченный ЧСР при правительстве адмирала А.В. Колчака; один из лидеров чехословаков в Сибири в 1918—1920 гг.; представлял в Чехословацком корпусе стоящее на русофильских позициях левое крыло.

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 197, л. 24—24 об.

совместно с уполномоченным министерства общего плана хозяйственно-административной работы и о соответствующем контроле.

Согласно составленной комитетом и утверждённой МИД ЧСР смете предполагалось до 1 января 1922 г. потратить на нужды студентов 3 млн 670 тыс. чешских крон (ч. кр.)¹⁶, т.е. примерно третью часть суммы, выделенной ведомством на «русскую акцию». Однако деньги поступали от него нерегулярно ещё со второй половины октября 1921 г., поэтому КООРУС пришлось сократить расходы¹⁷. Из выделенных в 1922 г. 49,7 млн ч. кр. 8 млн предназначались для приобретения одежды, учебников и на иное содержание в течение года 1 158 студентов.

Без содействия комитета многие молодые люди не смогли бы продолжить обучение. Так, студент Русского юридического факультета Е. Фёдоров 26 февраля 1924 г. обратился за помощью в Объединение русских эмигрантских студенческих организаций, так как находился в трудном положении. Из-за того, что он прибыл на занятия только в ноябре, ему отказали в содержании за счёт КООРУС. Это обстоятельство заставило студента, имевшего семью и долг в размере более 3 тыс. ч. кр., пойти работать¹⁸.

Сначала обучавшимся предоставляли только одежду, учебники и т.п. Так, «правительство, прежде всего, обмундировывает студента с головы до ног, ему выдаётся: 1 пальто на всё время обучения и 1 костюм, 1 рабочие брюки и шляпа, 1 пара ботинок, 2 галстука, 3 рубахи, 4 воротничка, 2 манишки, 3 пары кальсон, 6 пар носков и 6 носовых платков — на год»¹⁹. Комитет также предоставлял молодым людям на карманные расходы от 20 до 123 ч. кр., оплачивал им обучение и проживание в общежитиях, трамвайные билеты, врачебную помощь и предоставлял стипендию в размере 300 ч. кр. на питание²⁰.

С ростом числа студентов (в 1921—1931 гг. на попечении комитета состояло около 7 тыс.) стали выдавать и наличные деньги. Например, в начале 1922 г. размер ежемесячного денежного пособия составлял 580, а в 1928 г. — 450 ч. кр.²¹ Те или иные виды помощи могли сокращаться или прекращаться из-за неуплатности либо улучшения материального положения обучавшегося. Для каждого из них пребывание на студенческой скамье под крылом КООРУС было намного предпочтительнее, чем ежедневная забота о хлебе насущном. В пражских эмигрантских газетах часто появлялись карикатуры, изображавшие аудиторию, в которой за партами сидели почтенные старцы с лысыми и патриархальными бородами. В той же печати отмечалось, что получение студентом диплома высшей школы, к сожалению, означало начало его голодной жизни.

¹⁶ Там же, ф. Р-5931, оп. 1, д. 401, л. 1. На заседании исполнительного бюро ЦОК в Константинополе 16 сентября 1921 г. Жекулина (возглавляла Временный комитет Союза городов, основала русскую гимназию в Константинополе, затем перевела её в ЧСР, в Моравскую Тршебову) говорила, что КООРУС отпустил 2,5 млн ч. кр. на устройство русской учащейся молодёжи, с 1 января 1922 г. планировалось ассигнование ещё 4,5 млн ч. кр.

¹⁷ Там же, ф. Р-5776, оп. 1, д. 197, л. 16.

¹⁸ Постников Е.С. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // Культурная миссия Российского зарубежья: история и современность. Сборник статей / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 1999. С. 98—99.

¹⁹ Зарубежная русская школа: 1920—1924. Париж, 1924. С. 106—107; Русские в Праге. 1918—1928 / Ред. С.П. Постников. Прага, 1928. С. 72.

²⁰ Tejchmanová S. Op. cit. S. 27.

²¹ Русские в Праге... С. 71.

В сентябре 1921 г. при КООРУС была создана Учебная коллегия (Совет русских профессоров), ставшая посредником между чешской администрацией и русским обществом учёных и обучавшихся. В коллегия, состоявшую из историко-филологического, естественно-агрономического, медицинского, архитектурного, инженерно-строительного, горного, механического и химического факультетских отделений, вошли профессора А.С. Ломшаков (председатель), В.Д. Варёнов²², П.И. Новгородцев²³, Н.В. Ястребов²⁴ и др. Позднее в Совет русских профессоров включили лиц, приглашённых в Чехословацкую Республику на преподавательские вакансии, к примеру, в 1925 г. — 116 человек (всего же было 130 профессоров)²⁵. Они вели работу по трём направлениям — педагогическому, научно-исследовательскому, административно-попечительскому. В соответствии с первым направлением члены совета готовили молодёжь к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, оказывали учебную и научную помощь студентам и профессорским стипендиатам, готовя молодых кандидатов к профессорскому званию, читали лекции и вели практические занятия. Ими же создавались новые научные учреждения и органы для попечения о русских учёных и студентах, утверждались уставы, указы и отчёты этих органов, избирались лица на преподавательские вакансии, формировались факультетские отделения, решались вопросы об открытии новых курсов и т.д.

Члены совета также контролировали занятия русских студентов, проверяли учебный стаж желавших поступить в вузы, участвовали в работе дисциплинарного суда и бюро по трудоустройству выпускников²⁶, публиковали труды членов коллегии (в редакционный комитет входили А.А. Кизеветтер²⁷, Е.В. Спекторский²⁸, П.Б. Струве²⁹). Именно Совету русских профессоров МИД

²² Варёнов Владимир Дмитриевич (1877—1938), инженер-технолог; профессор; в эмиграции с 1921 г.; секретарь правления Союза русских академических организаций за границей; заведовал студентами, осуществлял общее руководство административным отделом КООРУС; с 1929 г. находился во Франции.

²³ Новгородцев Павел Иванович (1866—1924), юрист-правовед, философ; общественный и политический деятель; профессор Московского университета; депутат I Государственной думы; в 1920 г. эмигрировал сначала в Берлин, затем в Прагу; инициировал создание возглавленного им в 1922 г. Русского юридического факультета при Пражском университете; член Учебной коллегии по обеспечению образования русских студентов в ЧСР; участвовал в деятельности Русской академической группы в Праге и в создании Русского народного университета.

²⁴ Ястребов Николай Владимирович (1869—1923), первый профессор Петроградского университета, специально подготовленный для преподавания истории славян; в мае 1919 г. командирован Российской академией наук и Петроградским университетом за границу; в советскую Россию не вернулся, остался в Чехословацкой Республике; с 1920 г. профессор пражского Карлова университета; преподаватель Русского педагогического института им. Я.А. Коменского.

²⁵ Русские в Праге... С. 77—81.

²⁶ Махаткова Р. Помощь российской эмиграции в Чехословакии и русские материалы в коллекциях Центрального государственного архива Праги // Зарубежная Россия, 1917—1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2000. С. 421; Русские в Праге... С. 79.

²⁷ Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), историк; политический деятель; в 1922 г. выслан из России в составе группы интеллигенции; в эмиграции жил в Праге, входил в состав Русской академической группы; профессор русской истории в Русском народном и Карловом университетах; глава совета Русского заграничного исторического архива; один из учредителей (с 1930 г. председатель) Русского исторического общества.

²⁸ Спекторский Евгений Васильевич (1875—1957), философ, историк русской культуры; с 1913 г. профессор, затем ректор Киевского университета; с 1920 г. в эмиграции (Чехия, Сербия, США).

²⁹ Струве Пётр Бернгардович (1870—1944), общественный и политический деятель; экономист, публицист, историк, философ; председатель проходившего в Париже в апреле 1926 г.

ЧСР разрешило отбирать среди российских эмигрантов, находившихся в Европе, учёных и профессоров, предоставлять им право въезда в страну и материальное обеспечение. И всё-таки главной задачей коллегии оставался подбор кадров для преподавательской деятельности в республике. Приглашённых в неё учёных обеспечивали жильём, работой и всячески поддерживали³⁰. При отборе кандидатов учитывался их научный стаж, материальные и социальные условия проживания.

Происходила достаточно активная смена состава совета. За семь лет его существования семь его членов умерли (в том числе академики Н.И. Андрусов и Н.П. Кондаков), примерно 50 переехали в другие страны. Так, Д.Д. Гримм покинул пост декана Русского юридического факультета в Праге и перевёлся в Дерпт (Эстония) на кафедру римского права. С.Н. Булгаков ушёл в Духовную академию в Париже, А.А. Копылов — в Люблянский университет (Югославия), В.В. Лепёшкин — в Сант-Луизский университет, Г.В. Вернадский — в Йельский (США), С.К. Гогель — в Берлинский университет и т.д.

Число русских студентов росло, увеличивалось и количество поддерживаемых преподавателей: к концу 1922 г. — 67 человек. В течение 1923 г. помощь получили 94 профессора, в 1924 г. — 147, 1925 г. — 142, 1926 г. — 130 человек. К 1 августа 1927 г. Комитет по обеспечению образования русским и украинским студентам помог 96 членам совета (4 штатным и 47 нештатным профессорам, 3 инженерам, 20 доцентам и 22 кандидатам на профессорские должности). Это свидетельствует о предоставлении материальной помощи в первую очередь малообеспеченным.

Учёные и профессура были поделены на три категории. К первой относились лица, которые ещё в доэмигрантский период состояли в штате русских вузов, были известны в научном мире и имели преподавательские заслуги. Оказываемая им государственная помощь приравнивалась к служебному жалованью чехословацких чиновников 6-го или 7-го классов. По первой категории выплачивалось пособие также членам Российской академии наук — профессорам Н.Н. Глубоковскому, П.Б. Струве и Н.П. Кондакову. Во вторую категорию вошли нештатные профессора и доценты русских вузов, занимавшиеся преподавательской деятельностью и за границей, оплата же их работы приравнивалась к жалованью местного государственного чиновника 8-го класса. К третьей категории относились лица, готовившиеся получить учёную степень, и те, кто из-за Гражданской войны в России и эмиграции вынуждены были прервать начавшуюся ещё до революции научную деятельность. Этим людям платили ту же сумму, что и чехословацким чиновникам 9-го класса. Однако уже с 1 марта 1923 г. лицам первой категории стали ежемесячно выплачивать на 300 ч. кр., а представителям второй и третьей — на 100 ч. кр. меньше. С 1 января 1927 г. последовало новое снижение: для относившихся к первой категории — на 500, ко второй — на 250, а к третьей — на 150 ч. кр.³¹

Российского зарубежного съезда; участвовал в деятельности Русского юридического факультета в Праге; редактировал еженедельники «Россия» (1927—1928) и «Россия и славянство» (1928—1934); с 1928 г. проживал в Белграде, будучи председателем отделения общественных наук Русского научного института; затем отошёл от политической деятельности.

³⁰ *Петрушева Л.И.* Русская акция правительства Чехословакии и эмиграция из России (URL: <http://vernadsky.name/petrusheva-l-i-russkaya-aktsiya-pravitel-stva-chehoslovakii-i-e-migratsiya-iz-rossii/>; дата обращения: 10.06.2018).

³¹ Русские в Праге... С. 78, 80; Зарубежная русская школа... С. 109.

Условия и порядок помощи студентам регламентировались документами, которые были приняты и утверждены президиумом КООРУС в основном в 1922 г.³² Основаниями для предоставления помощи обучающимся являлись отсутствие у них иных доходов, соблюдение ими дисциплины и хорошая учёба, «своевременное и точное выполнение всех требований как чешских учебных заведений, так и управления русских дополнительных курсов» и соответствующее «достоинству русского студенчества» поведение³³. Выход человека на работу означал прекращение его поддержки.

Как только начались занятия в вузах, комитет разработал план контроля получаемых студентами отметок. Успеваемость проверялась три раза в год и, видимо, несмотря на все сложности эмигрантской жизни, возможность лишиться стипендии являлась серьёзной угрозой для каждого обучающегося, поэтому проблем с успеваемостью у них практически не было. В противном случае студенту сначала сокращали пособие, и если ситуация не менялась, его не выплачивали³⁴.

Процент студентов, окончивших учёбу благодаря КООРУС, был выше среднестатистического показателя по учебным заведениям Русского зарубежья. В представленном МИД ЧСР в январе 1935 г. отчёте комитета отмечалось, что из 6 818 студентов 4 180 (более 60%) получили дипломы³⁵.

Взаимоотношения «разношёрстного» студенчества, особенно в первые годы проживания в республике, складывались непросто. Для разрешения различных спорных вопросов в декабре 1922 г. коллегия создала при КООРУС дисциплинарный суд, который просуществовал до 17 февраля 1926 г. Суд состоял из четырёх членов: по одному — от МИД ЧСР, русской коллегии, русских и чешских студентов, причём от каждой структуры избирались по три кандидата в члены суда. Русские студенты избирали их путём всеобщего тайного голосования всех, кто состоял на иждивении комитета. Под его руководством голосование проводили старосты студенческих групп.

Дисциплинарный суд рассматривал любой вопрос, связанный с нарушением обучающимися русскими принятых на себя обязанностей, а также с действиями, противоречащими «правилам нравственности, или несовместимых с честью русского студента». Дело выносили на суд по инициативе или МИД ЧСР, или заведующего студентами профессора, или по заявлению студентов и частных лиц. Председательствовал в суде представитель коллегии. Например, с февраля 1922 г. это был профессор С.К. Гогель, приблизительно с января 1923 г. — Н.С. Тимашёв, с 21 ноября 1924 г. — Спекторский. Решения принимались большинством голосов (при их равенстве — в пользу подсудимого) и обжа-

³² «Общие правила для русских студентов в Чехословацкой Республике, находящихся на иждивении Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР»; «Правила для русских студентов, находящихся на попечении Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике» (дисциплинарный устав); «Правила приёма русских студентов и студенток на иждивение правительства Чехословацкой Республики»; «Учебные требования, предъявляемые к студентам, состоящим на иждивении Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР» (ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 23, л. 37а; д. 16, л. 31—32; д. 22, л. 35—35 об.; д. 26, л. 56—57).

³³ Там же, д. 16, л. 32.

³⁴ Михлова М. Комитет по обеспечению образования русских студентов // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918—1945. Прага, 2008. С. 55—58.

³⁵ Сладек З. Русская эмиграция... С. 35.

лованию не подлежали. Налагаемые судом наказания определялись согласно «Общим правилам для студентов...»³⁶.

В КООРУС и коллегии считали: дисциплинарный суд был «весьма могущественным... средством», чтобы «охранить доброе имя русского студенчества и укрепить в нём расшатанные за пережитое тяжкое время нравственные устои»³⁷. Председатель коллегии в докладе министру иностранных дел республики от 20 июля 1922 г. указывал, что такой суд являлся независимым, смешанным органом, а «решение дел в административном порядке ни в коей мере не может явиться для массы студенчества авторитетным и всегда в его глазах будет носить характер несправедливости»³⁸.

Первое заседание дисциплинарного суда состоялось 22 февраля 1922 г., но официальный статус он приобрёл только после утверждения 27 сентября МИД ЧСР соответствующего положения за № 143365/22.П³⁹. В период работы суда в него поступили 106 дел (в 1922 г. — 26, 1923 г. — 19, 1924 г. — 46, 1925 г. — 14, 1926 г. — 1 дело), из которых 33 — по взысканию долгов. В 1923 г. состоялось 8 заседаний, в 1924 г. — 10, 1925 г. — 4 (по 1922 г. точных сведений нет⁴⁰). Итоговый доклад о деятельности суда был сделан его председателем Спекторским на заседании коллегии 20 февраля 1926 г.

Согласно дисциплинарному уставу, студенты обязывались воздерживаться от любой политической деятельности, а именно: от сотрудничества с одной из местных политических организаций или с русскими партиями; от произнесения партийно-агитационных речей в общественных собраниях; от составления и распространения политических памфлетов; от участия в такого же рода демонстрациях и т.д.⁴¹

Для правительства Чехословацкой Республики соблюдение политического нейтралитета оказывалось принципиально важным условием для предоставления студентам помощи. Известно, например, что к двум русским студентам применили жёсткие меры за их неоднократные и резкие высказывания против советской власти: одного выслали, на второго был наложен штраф. Последний, оскорблённый таким наказанием, не захотел оставаться в стране. Попытки сдержать студентов от резких высказываний в официальных учреждениях республики в отношении большевиков не помогли избежать инцидента. Студенческие организации оправдывали своих соотечественников, указывая на острое неприятие молодыми людьми той власти, которая стала причиной их эмиграции. В поддержку выступил председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (штаб-квартира в Праге) Б.Н. Неандер. Он обратился с просьбой к председателю ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей Фёдорову выхлопотать визы и какую-либо стипендию во Франции или Бельгии для наказанных студентов. «Однако было бы недопустимым, — писал Неандер, — не помочь не удержавшимся коллегам, тем паче, что их проступки, с точки зрения совершенно объективной, весьма ничтожны»⁴².

³⁶ ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 23, л. 36—37.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, д. 165, л. 338.

³⁹ Там же, д. 23, л. 13—14.

⁴⁰ Там же, д. 25, л. 19.

⁴¹ Там же, д. 16, л. 32.

⁴² Постников Е.С. Студенчество России... С. 99—100.

В докладе КООРУС, направленном министру иностранных дел ЧСР в июле 1922 г. и посвящённом морально-политическому состоянию студентов, указывались причины, мешавшие им обучаться. Назывались, например, неустойчивое психологическое состояние вкупе с тяжёлым багажом перенесённых невзгод, болезней, ранений, причинённых им в годы Первой мировой и Гражданской войн. Положение молодых людей усугублялось и известиями, приходившими из РСФСР. «Почти каждое полученное из России письмо, — отмечалось в докладе, — приносило с собой сообщение не только о безмерно тяжком положении Родины, но и насильственном лишении жизни оставшихся там родных и иных близких и знакомых им лиц, ответственность за которые они не могли не возлагать на власть, управляющую Россией»⁴³.

В целом же русское студенчество выполняло поставленные ему условия, исключая политику из своей жизни. Студенты самых различных политических ориентаций вполне уживались между собой, и «Правила для русских студентов...», за исключением единичных случаев, не нарушались. Если было по-другому, дела рассматривались «независимым смешанным дисциплинарным судом, авторитет коего укреплял моральную силу русского студенчества, ограждая его достоинство и честь от недостойных нарушений»⁴⁴.

Равновесие нарушило образование Союза русских студентов граждан РСФСР в ЧСР (группа, состоявшая из восьми студентов, некоторые из них были и членами правления действовавших в республике организаций — Союза русских студентов и Русского студенческого союза). Входящие в группу обратились в МИД с воззванием и заявлением к русскому студенчеству. Они сделали это, отмечали в комитете, «глумясь и оскорбляя чувство преданности и любви к Родине в тех, к кому оно обращено, предлагая отречься от своих идеалов, за которые оно боролось, признать существующую в России власть и стать здесь, в Чехословакии, под защиту советской делегации»⁴⁵. Возмущившись таким поступком, КООРУС, в свою очередь, обратился в МИД ЧСР.

Не беря на себя смелость давать оценку политике чехословацкого правительства и оставляя за ним решение вопроса о возможности, характере и размере помощи этим восьми студентам, в комитете и коллегии сочли «совершенно необходимым изъять означенную группу лиц из организованного общения с остальной массой студентов, неизбежного при состоянии их на попечении одной и той же организации», и в случае продолжения им правительственной поддержки, «таковую оказывать через иную организацию, а не через Комитет по обеспечению образования, учреждённого для помощи русским студентам-эмигрантам, лишённым возможности в данное время возвратиться на свою Родину».

Только так, считали члены комитета и коллегии, возможно было «охранить ныне стоящее под угрозой разложения всё русское учебное дело в Чехословацкой Республике, на укрепление которого было затрачено много труда и энергии со стороны МИД, комитета, Учебной коллегии и профессуры высших чешских учебных заведений и затрачены большие материальные средства со стороны государства»⁴⁶.

⁴³ ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 165, л. 331.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 332.

⁴⁶ Там же, л. 333—334.

Такое заявление КООРУС стало следствием изданного МИД ЧСР предписания № 106920/II от 17 июля 1922 г. В ответ на отправленный в МИД запрос Союза русских студентов граждан РСФСР в ЧСР относительно их положения в стране ведомство объявило: «Правительство Чехословацкой Республики оказывает помощь русским студентам-эмигрантам в ЧСР как таковым, не обращая внимания на то, к какой организации принадлежат отдельные студенты, а потому принадлежность к студенческой организации граждан РСФСР не может иметь последствием потерю этой поддержки, до тех пор, пока эти студенты отвечают требуемому учебному минимуму (потребное количество коллоквиумов) и не ведут политической агитации между эмигрантами, либо в чешской общественности. Ни одна студенческая организация не имеет права выпускать воззваний, направленных против другой организации»⁴⁷. В предписании также сообщалось, что проступки студентов будут разбираться в административном порядке представителем МИД в КООРУС полковником Гайным, а не дисциплинарным судом. Положение о нём не было представлено в чехословацкое МИД, и оно оставляло за собой право принятия окончательного решения⁴⁸.

К 1930 г. деятельность КООРУС в республике стала угасать. Осталось незначительное число студентов, а финансовые источники иссякли. Но благодаря поддержке президента ЧСР Т. Масарика⁴⁹, который в 1931 г. внёс в комитет около 1 млн ч. кр., в 1932 г. 142 студента завершили образование. Последним 50 лицам позволили продолжить учёбу до октября 1936 г.⁵⁰ По решению МИД ЧСР от 1 февраля 1935 г. всю документацию комитета передали Чехословацкому Красному Кресту, который получил в своё распоряжение счёт КООРУС в Легиобанке и ежемесячные дотации из личного фонда президента страны. В итоге оставшимся без попечения комитета студентам всё же вручили дипломы о получении высшего образования.

Таким образом, помощь русскому студенчеству в ЧСР составила значимую часть проводимой её правительством «акции», основанной на принципе политической нейтральности. Царившие в молодом Чехословацком государстве атмосфера, нормы и правила прививали молодёжи принципы демократии. Административную и организационную работу взял на себя КООРУС, благодаря которому почти 7 тыс. взятых на иждивение молодых людей смогли не только получить образование, но и просто сохранить свои жизни. Ни один десяток представителей русской профессуры получил работу в стране. Эмигрантские вузы, в формировании которых участвовал КООРУС, создавали то «поле, на котором росли» национальное самосознание и патриотизм русской молодёжи.

⁴⁷ Там же, л. 334.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг (1850—1937), государственный и общественный деятель; первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935).

⁵⁰ Сладек З. Русская эмиграция... С. 35.